

Пэй Цинъи редко видел женщин, которые носили шпильки и вне съёмки, и это невольно вызвало у него симпатию. Его бабушка тоже всегда носила нефритовую шпильку — прозрачную, водянисто-зелёную, которой аккуратно подбирала длинные волосы, просто и элегантно.

Женщина со шпилькой оказалась очень душевной. Спросив, есть ли у него смена одежды, она сразу сказала:

— Пойдём, переоденься. В гримёрке сейчас никого нет. Меня зовут Лю Юйхуань, я гримёр съёмочной группы. Зови меня сестрой Лю, не стесняйся.

Пэй Цинъи редко сталкивался с такой добротой и немного растерялся. После нескольких благодарностей Лю Юйхуань остановила его и перевела разговор на бытовые темы.

— Кстати, Сяо Пэй, ты ведь ещё не женат? Хочешь, познакомлю с кем-нибудь?

Лю Юйхуань разглядела его: видный, молодой, на площадке играет хорошо и не боится трудностей — и у неё зашевелилась мысль.

— У меня есть младшая сестра, Юйянь, на десять лет моложе. Внешностью, конечно, до тебя не дотягивает, но женщине главное — быть мягкой. Характер у неё — просто золото. Хоть и работает служанкой в чужих домах, не смотри свысока.

Она устроилась в очень богатую семью, куда многие мечтают попасть. Зарплата у неё побольше моей, да и работа не тяжёлая. В таких благородных семьях и дети воспитаны хорошо, с прислугой обращаются по-человечески...

Она собиралась продолжить, но Пэй Цинъи лишь с усмешкой перебил:

— Сестра Лю, у меня уже есть пара.

— А?

Лю Юйхуань опомнилась, слегка смутилась, а затем с упрёком сказала:

— Эх, да что ж ты сразу не сказал! Я тут разговорилась, а ты...

— В браке уже? — сразу же спросила она.

— Да.

Вспомнив лицо Шэнь Цзюня, Пэй Цинъи невольно смягчился, в уголках глаз заблестела тёплая улыбка.

— Завтра пойдём расписываться, а в этом месяце сыграем свадьбу.

— Поздравляю, поздравляю! — обрадовалась Лю Юйхуань. — У господ, у которых служит моя сестра, тоже скоро свадьба. Какое совпадение! И все почему-то именно на этот месяц назначают.

Пэй Цинъи подумал, что совпадение и вправду уж слишком частое, и с улыбкой покачал головой:

— Может, этот месяц и впрямь самый счастливый.

Именно так вчера вечером говорила матушка Шэнь.

Она пригласила мастера выбрать благоприятный день, и тот сказал, что лучше всего подходит двенадцатое сентября.

Хотя времени было в обрез, матушка Шэнь заверила его: сама свадьба ни в коем случае не будет спешной. Те, кого семья Шэнь пригласит на торжество, — все люди с положением, важнее качество, а не количество.

Старая госпожа спросила мнение Пэй Цинъи, а он, естественно, не стал возражать, сказав, что во всём полагается на матушку.

Днём Пэй Цинъи пришлось много сниматься в сценах с беготнёй и погонями. Хотя Юй Ань и раньше к нему придирался, но ограничивался лишь словами, а сегодня будто нарочно выискивал поводы, чтобы его помучить.

Неизвестно, что на того нашло, но он раз за разом заставлял переснимать, и Пэй Цинъи, следуя контракту, покорно снимался снова и снова.

Он не знал, из-за чего у Юй Аня испортилось настроение, но это даже шло ему на руку — ведь крайнюю измождённость так просто не изобразить.

Когда все сцены были наконец отсняты, стрелки уже показывали восемь-девять вечера. Пэй Цинъи не знал, сколько раз он взмок от пота, и говорить уже не было сил.

Лю Юйхуань протянула ему воду и с жалостью предложила подвезти, но Пэй Цинъи мягко отказался. Немного отдышавшись и переодевшись в чистое, он поймал такси и вернулся в дом Шэнь.

Едва он вышел из машины, как служанка подбежала к нему, назвав «третьей госпожой», проводила внутрь и распорядилась на кухне подать ужин.

Старая госпожа выделила ему личную служанку по имени Сяо Тао, которой только-только исполнилось шестнадцать. Как говорила госпожа, девочку взяли из приюта, фамилии у неё не было. Но она была смышлёной и послушной, госпожа, пожалев, забрала её к себе, и дали ей имя Шэнь Сяо Тао.

Сяо Тао, видя, что он не возвращается, с самого начала ждала у дверей. Заметив его усталое лицо, она не решилась расспрашивать, лишь тихо сообщила, что третий господин уже поужинал и находится в кабинете.

Пэй Цинъи кивнул. Вернувшись в комнату, он сначала принял ванну. Всё тело ныло так, что руки едва поднимались. Он слегка перекусил кашей и рухнул на кровать.

За дверью раздался тихий стук. Пэй Цинъи поднял глаза и увидел мужчину в банном халате.

Фигура у Шэнь Цзюня была превосходной: восемь кубиков пресса чётко проступали под тканью, свободный халат не мог полностью скрыть его загорелую кожу, полуприкрывая и тем лишь подчёркивая соблазнительность.

— Вернулся? Сегодня поздно.

Шэнь Цзюнь приподнял край одеяла, выключил свет, оставив только мягкий свет маленькой

лампы-лотоса у изголовья.

От мужчины исходил лёгкий, приятный запах сосновой смолы. Пэй Цинъи невольно прижался к его груди, его длинные чёрные волосы прохладными прядями рассыпались по мужской груди. Он потерся щекой о халат и тихо сказал:

— Сегодня в кабинете курили сосновой смолой.

— Угу.

Шэнь Цзюнь низко отозвался, протянул руку, поднял прядь волос с его плеча и стал небрежно перебирать её пальцами. Поиграв немного, ему показалось мало; он склонился и оставил поцелуй на лбу юноши, а затем двинулся ниже.

— М-м...

Пэй Цинъи был так измотан, что почти провалился в сон у него на груди, накатывающая дремота становилась всё тяжелее.

— Сегодня не надо... я очень устал.

Шэнь Цзюнь остановился и в самом деле не стал продолжать. Он лишь вздохнул и спросил:

— Что делал целый день? Исчез без вести... Неужели есть что-то, чего ты не можешь мне сказать?

Но юноша не ответил. Шэнь Цзюнь взглянул — веки уже сомкнулись. Пэй Цинъи, не успев договорить, от усталости провалился в сон.

Шэнь Цзюнь осторожно уложил его рядом, поправил одеяло, но, увидев непрошеную усталость в его чертах, слегка нахмурился. Долго смотрел, а затем погасил свет у кровати, обнял его и уснул.

*

На следующее утро Пэй Цинъи проснулся в восемь — для него это было непривычно поздно.

Будто почувствовав его пробуждение, Шэнь Цзюнь вошёл в комнату и ласково позвал его умыться и позавтракать вместе.

Пэй Цинъи понял, что тот всё это время ждал его, и стало неловко:

— Почему вы меня не разбудили? Я чуть не проспал.

— Разве так просто отсыпаться до глупости? — сказал Шэнь Цзюнь. — Видел, что устал, вот и дал поспать подольше.

— Ох.

Пэй Цинъи опустил голову, всем видом показывая, что не хочет развивать эту тему.

Шэнь Цзюнь глубоко посмотрел на него, и в его мягком, но не лишённом власти голосе прозвучало:

— Я не мешаю тебе работать. Но не доводи себя до изнеможения, а то мне будет больно.

Он знал, что у Пэй Цинъи есть работа, но тот не рассказывал подробностей, лишь упомянул, что она связана со съёмочным процессом, — Шэнь Цзюнь и не стал выяснять.

Пэй Цинъи и вправду его не обманывал: дублёр, не появляющийся в кадре, — это ведь тоже часть съёмочной группы.

Позавтракав, они отправились в загс. У ворот уже ждал шофёр, который, завидев их, с улыбкой поздравил: «Желаю третьему господину и третьей госпоже вечной любви и согласия!»

Шэнь Цзюнь рассмеялся и сказал, что по возвращении велел Сяо Тао вручить ему красный конверт, от чего шофёр расплылся в ещё более радостной улыбке.

Пэй Цинъи на сегодня тоже взял отгул. Хотя он представлял, как будет беситься Юй Ань, но что бы там ни было — пропустить день регистрации он не мог. А с остальным пусть разбирается сам.

Когда фотографировали для свидетельства, фотограф похвалил их, сказав, что у них прекрасная аура и они очень гармонично смотрятся вместе. Он снимал множество пар, но таких, от которых сразу захватывает дух, встретил впервые.

Пэй Цинъи покраснел и поблагодарил, обеими руками приняв свидетельство. На фотографии их головы были тесно прижаты друг к другу, улыбки — сдержанные, но полные нежности.

Шэнь Цзюнь, обычно такой степенный и сдержанный, принимая свидетельство, улыбался во всю ширь. Выйдя из загса, он незаметно ущипнул Пэй Цинъи за талию и с лукавым видом сказал:

— Ну что, моя маленькая жена, куда хочешь на обед? Поедим в городе, домой не вернёмся.

Пэй Цинъи покраснел ещё сильнее, «айкнул» и возразил:

— Я не такой уж и маленький!

В свидетельстве были указаны даты рождения, и Шэнь Цзюнь, конечно, видел его возраст: Пэй Цинъи только-только исполнился двадцать один, а сам Шэнь Цзюнь был уже тридцати двух. Разница больше десяти лет, так что «маленькая жена» — вполне справедливо.

Шэнь Цзюнь обнял его за талию, притянул к себе и что-то прошептал на ухо. Юноша залился краской до кончиков ушей, они стали пунцовыми и горячими; он в сердцах и со смущённым видом шлёпнул мужчину по груди, отчего тот рассмеялся ещё громче.

<http://bllate.org/book/15935/1424341>